

Н.Ю. Буровцева, Л.Г. Криуля

«Смешной человек» Карандышев из пьесы Островского «Бесприданница»

Юлий Капитоныч Карандышев — еще один «маленький» человек в ряду героев русской литературы. В его «литературной родословной» герои Пушкина, Гоголя, Достоевского. Образ Карандышева Островским написан мастерски, с психологической достоверностью. Характер этого «небогатого чиновника», пожалуй, даже более сложен и интересен, чем «блестящего барина» Паратова.

Уже в самом сочетании имени римского императора Юлия с прозаическим отчеством Капитоныч и уничижительной фамилией Карандышев («коротышка, недоросток») содержится противоречие, пародийное, быть может.

Да и впрямь «уж не пародия ли он» на того же Паратова, скажем?

Первые сведения о Карандышеве мы получаем от Вожеватова, который со свойственной ему иронией, но весьма метко объясняет Кнурову, «откуда взялся этот Карандышев». «Он давно у них в доме вертится, года три... его *придерживали*, слегка *приглаживали*... Раз застрелиться хотел, да не вышло ничего, только *насмешил* всех». Сделавшись женихом Ларисы, Карандышев «сияет, как апельсин... очки зачем-то надел, а никогда их не носил... прежде и не слышать его было, а теперь все «я да я, я хочу, я желаю».

Кажется, в дальнейшем, с первого появления с Ларисой на бульваре до «триумфального» обеда, Юлий Капитоныч полностью оправдывает свою репутацию человека «ничтожного, но самолюбивого и завистливого». Он хвастается Ларисой как дорогой, но удачно (по сходной цене) купленной вещью, постоянно попрекает ее домашним «цыганским табором». Даже на обеде, произнося тост в честь Ларисы, Юлий Капитоныч поет дифирамб «себе, любимому»: «Да-с, Лариса Дмитриевна... умеет отличать золото от мишуры... Она меня поняла, оценила и предпочла всем».

И все же Карандышев, по словам самой же Ларисы, обладает «одним только, но дорогим достоинством» — он ее любит.

После бегства Ларисы у этого «смешного человека» рушатся все иллюзии, наступает *прозрение*: «Я смешной человек... Я знаю сам, что я смешной человек. Да разве людей казнят за то, что они смешны?.. смейтесь надо мной — я того стою. Но разломать грудь у смешного человека, вырвать сердце, бросить под ноги и растоптать его! Ох! *Как мне жить?*» В этой сцене Юлий Капитоныч не смешон, а жалок и страшен.

В последней сцене IV действия Карандышев уже не тот человек, что утром на бульваре, хотя прошло всего несколько часов. Именно Карандышев произносит слово «*вещь*», бросает его в лицо Ларисе. Но он любит ее, «прощает, все прощает», на все согласен, пытается увести Ларису, понимая, что оставить ее *не на кого*. Да, любит и... обращается с Ларисой, подобно Паратову, Вожеватову и Кнурову, как с вещью. И, может быть, безумный выстрел Карандышева из «бутафорского» пистолета — «единственно подлинный человеческий «жест» на фоне благоразумной осмотрительности и холодного, циничного расчета трех других» (Б. Костелянц). Недаром же единственный раз в жизни Лариса с нежностью обращается к своему жениху, называя его «милым».

«Смешной человек» Юлий Капитоныч Карандышев, каким его видит Островский, оказывается самой сложной и драматической фигурой из всего мужского окружения гибнущей чайки Ларисы Огудаловой.